

ОКО ГОСУДАРЕВО

Часть 1. Падение

АЛТАЙ АЛТАЕВИЧ

Алтай Алтаевич
Око Государево

«Автор»

2026

Алтаевич А.

Око Государево / А. Алтаевич — «Автор», 2026

Кира Даниловна Волкова — дочь коменданта пограничного Острога, архивистка и Пустая, человек без способности управлять дух-паром. В мире, где сила определяет положение в обществе, её удел — старые свитки, забытые рукописи и чужие тайны. Но всё меняется, когда Кира сталкивается с упоминаниями древнего артефакта — Ока Государева, способного показать мир таким, каким он был задуман. В Острог прибывает загадочный британский посол лорд Векс, на границе сгущается напряжение, а прошлое мёртвых богов оказывается куда ближе, чем кажется. Вскоре Кира поймёт: отсутствие Искры вовсе не означает отсутствие силы. А истина, которую она так долго искала в древних текстах, может разрушить её прежнюю жизнь — и изменить судьбу всей Империи. Обложка книги создана с помощью нейросети ChatGPT.

© Алтаевич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 1. Свиток об Оке Государевом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алтай Алтаевич Око Государево

Глава 1

Глава 1. Свиток об Оке Государевом

Чернила застывали на пергаменте медленно, будто не хотели ложиться.

Кира вела кистью ровно, почти не нажимая. Тонкие буквы повторяли старый почерк настолько точно, что с первого взгляда их можно было принять за работу прежнего архивария — ещё тех времён, когда у старика не дрожали руки.

Перед ней лежал свиток об Оке Государевом.

Вернее, один из списков того, что когда-то писали об Оке.

Пергамент пережил не одно столетие. Края почернели от огня, середина пошла бурими пятнами, несколько строк расплылись от воды. Но большая часть текста уцелела.

Кира знала её наизусть.

«...и когда боги умерли, их глаза остались. Не глаза плоти, но глаза памяти. И тот, кто смотрит в них, видит мир не таким, каков он есть, но таким, каким он был задуман...»

Она закончила строку и сравнила её с оригиналом.

Одна буква вышла чуть шире.

Кира нахмурилась.

Макнула кисть в чернила и переписала строку снова.

Пятый раз.

За высоким окном архива гудел пар.

Острог стоял почти у самой границы с Британской Конфедерацией, и здесь дух-пар был повсюду. Он шёл по трубам, приводил в движение машины, питал механизмы крепости. Даже воздух казался плотнее обычного — пропитанным угольной гарью, горячим железом и влажным паром.

Внизу, у западной стены, работали паровые пушки. Поршни мерно били внутри бронированных кожухов, клапаны шипели, и время от времени над бастионом поднималось белое облако.

Часовые даже не поворачивали головы.

Кира тоже давно перестала замечать этот шум.

Она выросла в Остроге и могла пройти от архива до комендантской башни с закрытыми глазами. Знала, какая ступень на северной лестнице проседает под ногой. Где зимой первой появляется наледь. В котором окне караульной по ночам горит свет, потому что старый Федька боится темноты. И почему в подвале архива лучше не оставлять хлеб — мыши добирались до него быстрее людей.

Она знала крепость почти целиком.

Но домом её не считала.

Дом — это место, где тебя ждут.

В Остроге её скорее принимали как неизбежную часть обстановки: дочь коменданта, тихая девушка из архива, которая никому не мешает.

И которая не способна культивировать.

Пустая.

Это слово редко произносили ей в лицо.

Не было нужды.

Достаточно было того короткого взгляда, которым люди встречали её на тренировочных дворах. Жалости женщин. Неловкого молчания мужчин. Детского любопытства тех, кто ещё не научился притворяться воспитанным.

В девятнадцать лет Кира уже умела не замечать такие взгляды.

Почти.

Она размяла затёкшие пальцы. Чернила въелись в кожу у ногтей, и отмыть их сегодня уже не получится.

Последняя строка оставалась незаконченной.

Кира знала её.

И всё же не спешила писать.

«...истина — это не ответ. Истина — это вопрос, на который нельзя ответить».

Она смотрела на слова, пытаясь найти в них то, чего не замечала прежде.

Не находила.

Как вопрос может быть истиной?

Разве истина не должна заканчивать спор, а не начинать новый?

Кира потянулась к кисти.

Дверь за её спиной скрипнула.

— Ты всё ещё здесь?

Она узнала голос раньше, чем обернулась.

— Ещё пара страниц, — сказала Кира. — И закончу.

Тяжёлые шаги прошли по деревянному полу.

В архиве Острога скрипело всё: половицы, двери, стеллажи. Иногда Кире казалось, что здание не разваливается только потому, что слишком старо и уже забыло, как это делается.

Данила Петрович остановился рядом с её столом.

От него пахло кожей, оружейным маслом и холодным железом.

Отец всегда пах войной.

Даже в мирные дни.

— Ты пропустила ужин.

— Я не голодна.

— Ты всегда не голодна, когда работаешь.

Уголок её рта дрогнул.

Они вели этот разговор много лет.

Когда Кира была маленькой, отец после этих слов обычно садился рядом и начинал рассказывать что-нибудь из службы. Никогда — о погибших. Никогда — о том, что действительно происходило на поле боя.

Только о смешном.

О молодом офицере, который свалился с коня прямо перед строем.

О поваре, перепутавшем мешки и едва не добавившем порох вместо соли.

О том, как сам Данила проходил половину дня с комком каши, прилипшим к шлему, а солдаты предпочитали молчать, потому что никто не хотел первым сказать об этом коменданту.

Кира любила эти истории.

В них существовал другой мир — огромный, шумный, полный дорог и людей, которых она никогда не видела.

— Что сегодня? — спросил Данила.

Кира подвинула свиток так, чтобы ему было видно заглавие.

— Око Государево.

Отец помолчал.

— Опять?

— Это другой список.

— Ты говорила то же самое в прошлом месяце.

— Потому что в прошлом месяце был другой список.

Данила хмыкнул.

Кира указала кончиком кисти на нижнюю часть свитка.

— Здесь есть фрагмент, которого не было раньше. О том, как артефакт выбирает носителя.

Отец посмотрел сначала на текст, потом на неё.

Кира знала этот взгляд.

Сейчас последует разговор, который они оба давно выучили.

— Ты не можешь культивировать, — сказал Данила.

Вот и он.

— Знаю.

— И, скорее всего, никогда не сможешь.

Кира положила кисть.

— Я не пытаюсь культивировать.

— Тогда зачем тебе это?

— Я пытаюсь понять.

Данила чуть нахмурился.

— Что именно?

Кира снова посмотрела на древний пергамент.

— Почему боги умерли.

Она провела пальцем над строками, не касаясь их.

— И что после них осталось.

Отец ничего не ответил.

Кира подняла взгляд.

Данила Петрович Волков был человеком, которого трудно было не заметить: высокий, широкоплечий, с руками, слишком большими для архивных столов. В русых волосах давно появилась седина, лицо прорезали морщины, а через левую бровь тянулся старый шрам.

Ему было сто двадцать.

Для обычного человека — невозможный возраст.

Для Плетущего — ещё не старость.

Но отец выглядел старше своих лет.

Некоторые вещи отнимают время быстрее, чем оно успевает пройти.

Война была одной из них.

Данила смотрел на дочь долго. Без той осторожной жалости, которую она привыкла видеть у других.

Только устало.

И, кажется, с гордостью.

— Ты странная, — сказал он наконец. — Вся в мать.

Кира улыбнулась.

Из всех похвал эта была единственной, которая действительно что-то для неё значила.

Мать она помнила кусками.

Тёплые руки, всегда немного пахнувшие тестом и травами.

Шерстяную шаль.

Тихое пение из кухни.

Голос — низкий, спокойный, такой, будто любой страх можно прогнать несколькими простыми словами.

Лицо вспоминалось хуже. Стоило попытаться представить его целиком, и черты расплылись.

Кире было пять, когда мать заболела.

Никакой войны. Никакого покушения. Никакой великой трагедии, о которой потом пишут в книгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.